

16+

Вадим Векслер

Ухо Москвы

Вадим Векслер

Ухо Москвы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32482303

SelfPub; 2018

Аннотация

«Ухо Москвы» приникло к каждой замочной скважине. «Ухо Москвы» слышит самый тихий шепот. Запрещенная политика, правдивая экономика, вольнодумная культура:– самые острые новости;– самые авторитетные мнения;– самый тонкий троллинг власти. «Ухо Москвы» вещает на всех частотах и торчит из каждого утюга. Спешите слышать, пока не стало слишком поздно, пока на каждой волне не остались только Петросян и шансон!

Акт первый.

Лорд Владиморт играет с народом

«Ухо Москвы»! Мы узнаем обо всём первыми.

Новости.

Депутат Государственной Думы Гной Оксимилонов внес законопроект о признании «Властелина колец» и всех томов «Гарри Поттера» экстремистской литературой, так как в указанных произведениях оспаривается законная и легитимная власть Саурона и Волдеморта, имеются многочисленные призывы к сепаратизму и насильственному свержению существующего конституционного строя.

Гусева:

– А с вами Анна Гусева и передача «Особо опасен». Гость в прямом эфире сегодня – политический консультант в опале, заговорщик, астролог и конспиролог, жрец солнечного культа Станислав Желтковский.

Желтковский (с улыбкой Чеширского кота):

– Заговорщик, видимо, потому что лечу зубную боль заговорами. Это мой второй, и наиболее стабильный источник дохода.

Гусева:

– Что-то вы неважно выглядите. Простыли?

Желтковский (поглаживая пестрый шарфик на шее):

– Так простыл, что даже по дороге вам новый слоган придумал. «Ухо Москвы! Если болит горло – дышите через нос!»

Гусева:

– Слоганы – это именно то, что мы от вас и ждем в прямом эфире.

Желтковский:

– Моё чуткое ухо – не Москвы – будто бы уловило некий ехидный подтекст в вашей фразе, но я спишу это на побочные эффекты лекарства от простуды.

Гусева (строго):

– Никаких подтекстов. Оставьте их для художественной литературы и авторского кинематографа. Всё, что мы хотим сказать, мы заявляем громко и отчетливо.

Желтковский:

– Теперь уже вы заговорили лозунгами. Мы будто бы вернулись в счастливые девяностые с настоящей, открытой политической борьбой.

Гусева:

– Ой ли?

Желтковский (уверенно):

– Девяностые – было прекрасное время, и, кроме того, – единственный период за всю тысячелетнюю историю России, когда мы, населяющие её люди, были свободными. И только

в последние несколько лет возникла настойчивая тенденция представлять это насыщенное свежим и сладостным воздухом время в виде жуткой эпохи разрухи и бандитизма...

Гусева:

– С чем это связано, как вы думаете?

Желтковский:

– Ну, тут всё совершенно очевидно: дискредитировать либеральную идею, нивелировать базовые принципы демократии, чтобы впоследствии постепенно урезать гарантированные Конституцией права человека. Когда Он пришел к власти, девяностые уже закончились, но Его первый срок ведь был ещё вполне прогрессивным и либеральным...

Гусева (резко прерывает):

– «Он»? Вы не называете его по имени?

Желтковский (поеживаясь):

– Боюсь ли я назвать его имя? Знаете, я маленький человек, у меня свои слабости и недостатки...

Гусева (напористо):

– Но трусость в них не входит?

Желтковский (раскрасневшись):

– Хорошо, Владимир! Видите – не боюсь, произнес. Это не так страшно ровно с того времени, как его персонифицировал – а абстрактный страх в тысячи раз сильнее – Рэйф Файнс, сыграв его в фильме...

Гусева (уверенно):

– «Гарри...

Желтковский (довольно улыбаясь):

– «Кориолан»! Неожиданный поворот, да? Вы предполагали другое. Но именно там и рассказана настоящая Его история. Как Он победил на войне. Или сказал, что победил. Потому что когда бородатые Вольски носятся с гиканьем по Москве и палят в воздух из калашей на каждой свадьбе – странная роль для побежденного народа! Но, тем не менее, на фоне военных успехов он выиграл – первый раз ещё законно – выборы, а затем плавненько так, незаметно установил диктатуру. Народ, подогреваемый либералами и нормами действующей Конституции, вышел на улицы, на Болотную площадь, начались волнения. Очень хорошо Файнсу удались сцены, когда он отзывается о народе, о плебсе, а лицо его в этот момент искажается всполохами нечеловеческого презрения: «Понацепили гондоны!», «Бандерлоги!» Ну, и в итоге он начинает войну против собственного народа в союзе со своим бывшим врагом, а ныне главным пехотинцем – лидером танцующих с ножами лезгинку вольсков в исполнении бородатого харизматичного Джерарда Батлера, который впоследствии становится неуправляемым, видя всюду предателей народа и врагов веры (которые почему-то сразу радостно извиняются направо и налево помимо своей воли). Ну а поначалу, псевдогерои позорной войны довольно уверенно и быстро на пару подавляют народные волнения и уничтожают последнее инакомыслие. Кульминацией гражданского порабощения стала эпическая сцена. Люди

бородача-пехотинца расправляются с героем на Немцовом мосту. Правда в фильме они зарезали самого Файнса/Кориолана/Владиморта. А у нас, в жуткой тошнотворной действительности, был расстрелян настоящий герой, мир его праху. А Владимирорт в этот момент смотрел из башни Кремля на эту казнь и пускал слюни, или ещё что другое от возбуждения...

Гусева (испуганно):

– Стоп, стоп! На этом месте я вынуждена ограничить поток вашей бурной фантазии, нам ещё работать в эфире...

Желтковский (примирительно поднимая руки):

– Понимаю, понимаю, хотя фантазии здесь мало, просто интерпретация фактов, основная работа политолога в опале. В любом случае место убийства показательно: так кошка приносит хозяину на кровать убитую мышь, чтобы продемонстрировать лояльность вождю, лидеру стаи.

Гусева:

– Очень мрачную картину вы набросали такими жирными мазками. И что же со всем этим делать?

Желтковский (хитрой улыбочкой демонстрируя ямочки на упитанных щеках):

– Есть одна гениальная мысль, я не хочу приписывать ее себе, но буду совсем не против, если вы так и подумаете, так вот: Владимирорт не человек, Владимирорт – символ. А символ не может быть в чем-то виноват, символ не может ошибаться. Более того, символ не может быть избран, или переизбран, или, сейчас скажу самое страшное и кощунствен-

ное, – НЕ избран. Поэтому института выборов как такового в нашей стране не существует. И, будучи мирными законопослушными гражданами, мы не можем призывать к насильственному противодействию власти, поэтому сделать что-либо со сложившейся политической системой по сути нельзя. Если только....

Гусева (оживленно):

– Если только?

Желтковский:

– Не появится герой с небольшим симпатичным шрамом на лице от зеленки с кислотой ...

Гусева:

– Шрам в виде молнии?

Желтковский:

– Вполне возможно. Только он знает, где спрятана смерть Кощея, простите, крестраж Владиморта. И лишь он настолько бесстрашен, что может пойти в открытый бой с диктатором и тираном.

Гусева:

– А что же сам угнетенный народ?

Желтковский (разводя руки):

– А народ, как всегда, безмолвствует...

Гусева:

– Даже когда последователей героя избивают, в том числе и металлическими предметами, по всей стране?

Желтковский:

– Хорошо и то, что свободолюбивые люди вообще объединились хоть в какое-то подобие организации, и, заметьте – по всей стране.

Гусева (ожесточенно и напористо):

– Да, и теперь их жестоко избивают. Что это – заказ Кремля? Садистский, бесчеловечный план, спущенный из центра?

Желтковский:

– Не думаю, что это какой-то единый, продуманный план. Как сказал один мой коллега, это не многоходовка, а многоножка, одна нога которой не знает, что делает другая. Внешнему наблюдателю может показаться, что все действия согласованы и координируются из единого центра. Вертикаль власти, как добротный осиновый кол, умасленный кровью и иными человеческими выделениями, насадила на себя всех. И они теперь как куклы только открывают рот, а мы на самом деле слышим голос чрево вещателя из Кремля. Но в данном случае пресловутые перегибы на местах злят центр сильнее даже, чем взволнованную общественность.

Гусева:

– И что, стоит ожидать какую-то официальную реакцию центральной власти?

Желтковский:

– Да, но не то, что вы думаете. Если и будут наказывать, то опять кого-нибудь наугад выдернут из бесправного народа. Чтобы показать, у кого рычаги репрессий. А местные вла-

сти втихую пожурят под ковром да и наградят переводом на другую должность. А последователей героя Невольного так и будут ломать арматурными прутами и водопроводными трубами.

Гусева:

– На этой мрачной, пессимистичной ноте мы вынуждены заканчивать нашу передачу. Эфир продолжит программа «Кульминация» с Матвеем Гуляйпольским.

«Ухо Москвы». Мы слышим самый тихий шепот.

Новости.

По сведениям Министерства обороны только за последний месяц российской авиацией в Сирии были уничтожены 80 000 террористов, 16 000 командных штабов, 800 бригадных генералов, 40 лидеров ИГИЛ (запрещенная в России организация), 20 джиннов и 10 джаггернаутов. Это ровно на 8 джаггернаутов больше, чем в предыдущем месяце.

Римский папа в своих покоях с первой попытки поймал двух покемонов. Монстры были крещены и получили имена Петра и Павла.

Программа «Кульминация». Моменты наивысшего напряжения!

Гуляйпольский:

– Извините, я немного опоздал...

Петрушкин:

– Мы вам не могли дозвониться!

Гуляйпольский (беззаботно):

– У меня старенькая Моторола, она плохо работает в лифтах.

Маковкин:

– Не понял?!

Петрушкин:

– Что за намеки?

Гуляйпольский (небрежно отмахиваясь):

– Кому надо, тот понял. Давайте начинать.

Маковкин:

– Отлично. В эфире Алексей Петрушкин, Алексей Маковкин и Матвей Гуляйпольский. Мы подводим итоги недели в программе «Кульминация».

Гуляйпольский:

– Мир полон свежих красок, острых чувств и удивительных открытий. Каждый день с радостной надеждой узнаешь что-то новое и... сразу пытаешься этот жуткий кошмар как можно скорее забыть! Но по какому-то паскудному закону природы именно эта яркая, шокирующая мерзость и живет потом в твоей памяти ещё долгие годы...

Маковкин (радостно перебивая):

– Поэтому, сразу по традиции в самом начале передачи еженедельная рубрика «Продвинутые курсы доносительства

и шантажа».

Гуляйпольский (раздраженно и ехидно):

– Спасибо, спасибо тебе Маковкин за руководящую и направляющую роль прямо в духе КПСС...

Петрушкин (примирительно):

– Просто у нас мало времени...

Гуляйпольский (медленно остывая):

– Ладно. Коллективный антигерой этой недели – инициативная группа, накарябавшая (по-другому не скажешь) очередной донос об оскорблении своих религиозных чувств. Травле на этот раз подвергся видеоблогер Орловский, поймавший покемона в храме. Парень решил на личном примере доказать, что тенденциозная информация, прошедшая по всем федеральным СМИ, дескать – ловля покемонов в церкви приведет к аресту...

Петрушкин:

– Просто планировал походить с телефоном по храму без плясок и провокаций?

Гуляйпольский:

– ...Именно так. Хотел доказать, что эта информация не соответствует действительности, более того: противоречит действующему уголовному законодательству, а СМИ в очередной раз нагло лгут, запугивая и так забитый и растерянный народ.

Маковкин (невинно):

– Ну и как, доказал?

Гуляйпольский:

– Да, доказал. Сидит.

Маковкин (довольно):

– Как писали в школьных тетрадях по геометрии: «Что и требовалось доказать».

Гуляйпольский:

– Да, Орловский доказал очевидную вещь, что в России сажают не в соответствии с буквой закона, а по прихоти монарха или обиде патриарха...

Петрушкин:

– Инициативная группа у нас получает статуэтку Сталина из засохшего гуано летающего покемона, плененного блогером, как там он назывался?

Маковкин:

– А черт его знает!

Гуляйпольский:

– Ну, а мы продолжаем.

Петрушкин:

– А я всё не могу понять: откуда в русском народе столько злобы, обиды и искреннего неустрашимого желания писать доносы во все инстанции?

Гуляйпольский (менторским тоном):

– Извечная, роковая проблема, даже беда России в том, что трагедийная суть жизни народной и почётная, в чем-то святая обязанность каждого русского человека – это испытать как можно больше страдания самолично, а, желательно,

как можно больше бед и страданий принести и всему остальному человечеству. Русский так называемый «мир» продуманно устроен именно таким образом, чтобы на алтарь очередной «великой идеи» положить как можно большее количество жизней. Причем, идея здесь может быть любой – от ее сути ничего не зависит и ничего не меняется.

Маковкин (растерянно):

– Как так?

Гуляйпольский:

– Смотрите: это как истово молиться одному богу методом жертвоприношений детей. А затем, пролив миллионы галлонов крови, и убедившись, что всевышний не отвечает на молитвы, просто сменить имя бога на обложке храма, но оставить метод действия, ритуал тот же самый: продолжать с завидным упорством в его светлое новое имя резать невинных людей и побивать камнями каждого, кто скажет хоть слово поперек, усомнившись в действенности этого лютого, бесчеловечного способа общения с непостижимым божеством.

Маковкин:

– Но в чем смысл этого ужаса?

Гуляйпольский:

– В безграничной власти за счет спаивания подневольного населения в один, наполненный воплями кровоточащий ком, с помощью единообразной идеологии и круговой поруки, плюс в подавлении любого инакомыслия угрозами неми-

нуемой расправы.

Петрушкин:

– И если они называют это «Русский мир»...

Гуляйпольский:

– То я говорю: «Скрепоносный тлен» или «Заскорузлая мертвечина»!

Маковкин:

– К сожалению, наше время вышло, итоги недели подведет Юлия Бронева.

Новости.

«Мы не пытались сделать хоррор, просто так получилось!» – заявили авторы нового единого учебника истории России.

Следственный комитет возбудил очередное уголовное дело в отношении кандидата в президенты Алексея Невольного по новой статье: «осуществление политической деятельности». Это уже пятая статья УК РФ, принятая специально для преследования оппозиционных политиков, правозащитников и других общественных деятелей.

«Ухо Москвы». Мы слышим всё! За самым осведомленным остается последнее слово!

Бронева:

– В эфире Юлия Бронева. Это программа «Последнее

слово». Среди диванных политологов, да и серьезных специалистов, растет удивление: как же удастся Алексею Невольному собирать такое количество просмотров своих видео на Ютубе и поднимать уже действительно целые народные массы на протест. В связи с чем я хочу рассказать одну простую, но поучительную историю.

– Среди разнообразных психологических экспериментов (результаты которых в основной своей массе вынуждают серьезно разочароваться в природе человека) особое место занимает так называемая ультимативная игра. По ее условиям один из двух участников получает безвозмездно энную денежную сумму, но должен разделить ее в любой пропорции с контрагентом, а тот либо принимает условия сделки (и все более-менее довольны), либо отказывается – и никто не получает ничего. Результаты дают примерно такой порог: 70% на 30%. Если второму предлагают меньше 30%, он, как правило, обиженно отказывается.

– Главная ошибка базовой ультимативной игры заключается в том, что она проходит среди незаинтересованных участников. Получишь ты или нет небольшую сумму денег в результате эксперимента – не настолько принципиально. Чувство собственного достоинства не дает принять несправедливую ставку. Вот если проводить такую игру среди голодающих бомжей за кусок хлеба – жажда справедливости бы резко уменьшилась. Человек схватил бы любую подачку (а потом, поздней ночью вернулся бы и жестоко отомстил за

унижение, как собирался в схожей ситуации один из персонажей Пелевина).

– Но самое важное – это понять, кто на самом деле управляет игрой. Кто главный. И это не первый легкомысленно-беззаботный участник, что делит деньги. А тот, кто принимает решение, в результате которого выяснится, будет ли вообще кто в выигрыше, либо нет.

– К чему это всё. Внутренняя политика в стране – это и есть ультимативная игра государства с народом. Властители распределяют блага и права, а люди либо соглашаются, что так справедливо (и тогда государство существует дальше), либо нет. И тогда начинается самое интересное, что заполняет учебники истории: кровавые реки и отсутствие победителей. Поэтому так необходимо, чтобы правитель (уменьшая в очередной раз размер и так унижительной подачи и лишая граждан последних прав и свобод) не забывал, кто на самом деле является источником власти в стране, и кто будет принимать решение – существовать ли им дальше в хрупком равновесии или пора ролеплеить «Судную ночь».

– Я ни в коем случае не призываю к насилию или иным проявлениям агрессии, я лишь с пыльным замшелым занудством старого университетского профессора в очередной раз пытаюсь напомнить азы юридической грамотности: «Единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» – Конституция РФ.

Конец первого акта.

Акт второй.

Горящие дуболомы Урфина Джюса

«Ухо Москвы»! Мы слышим всё отчетливо.

Зорева:

– В эфире радиостанция «Ухо Москвы». Вы только что прослушали нашу ежедневную рубрику «Позорные проговорки официальных представителей режима». А теперь я передаю дневную вахту у микрофона Анне Гусевой. Вот и она.

Гусева:

– Спасибо, Женечка. Приступаем. Но, сначала, выпуск новостей.

Новости.

Зураб Мегалители заявил, что планирует установить в Крыму 333 метровый памятник Иисусу Христу в зеленой камуфляжной хламиде, держащему в руках автомат Калашникова, с надписью славянской вязью: «Кто к нам с повторным референдумом придет, от души из подствольного гранатомета да получит!»

Роскомнадзор запретил политическую карту мира как фэйковый документ, призывающий к сепаратизму.

Гусева:

– Итак, в нашу студию уже пробрался писатель и журналист Виктор Шершневич, и мы начинаем передачу «Особо опасен».

Шершневич (осторожно присаживаясь на стул):

– Ужом проскользнул как вражеский шпион.

Гусева:

– Смотрите поаккуратнее, сейчас шпионов и иностранных агентов особо бдительно выискивают и жестоко наказывают зеленкой, а иногда и куском ржавой трубы по голове.

Шершневич:

– Даже не знаешь, чего бояться больше: заразиться столбняком от ржавчины или бешенством от самого нападающего. Они ещё ведь лаются, кусаются, вычесывают вшей. Да и в области доносов впереди планеты всей. Вообще, тяжело нам, вражеским агентам, в современных реалиях, с тех пор как мы все официально признаны мерзкими русофобами и врагами народа.

Гусева:

– А вы вошли в этот чудесный список?

Шершневич:

– Да, меня можно поздравить. Как и половину вашей редакции, впрочем.

Гусева:

– Так почему мы всё ещё утопаем в комфортабельных студийных креслах, а не полируем жесткую скамейку в СИЗО?

Шериневич (тихонько напевает):

– На черной скамье, на скамье подсудимых... да... (*делает небольшую паузу*) Ждем гневного персонального доноса от какого-нибудь встревоженного активиста. Даже в правоохранительных органах инициатива наказуема. А своевременно и усердно реагировать на... избранные сигналы – их священный долг!

Гусева:

– Доносы писать – это всегда с радостью, но глобально... Вы обратили внимание, что народ в последние годы стал политически апатичным, безынициативным?

Шериневич (разочарованно):

– Да, к сожалению, я довольно часто слышу даже от достаточно умных, активных людей, дескать, мне политика неинтересна. Я, может, сейчас кого удивлю, но она никому не интересна, она в принципе не интересная, это не новый высокобюджетный блокбастер. Здесь дело совсем в другом. И это довольно странно для меня, простите за такой мерзкий хамский образ, девушки могут заткнуть уши, даю вам на это две секунды, но, когда тебя долбят в жопу...

Гусева (испуганно):

– Мы же в прямом эфире! Это теперь не запикать!

Шериневич (продолжает с ехидством):

– ...и спрашивают: «каково?», а ты поворачиваешь голову и говоришь так индифферентно: «Мне это не интересно». Да ну? Неинтересно? Тогда продолжай жить в такой позе даль-

ше.

Гусева:

– А что в этой позе можно сделать в принципе?

Шериневич:

– Ну, для начала хотя бы заинтересоваться: почему ты на карачках, и что это за неприятные ощущения доходят из дальней части тела?

Гусева (невинно):

– Может они для кого-то приятные?

Шериневич (акцентируя первое слово):

– Эти... могут не беспокоиться, но всем остальным я бы посоветовал начать анализировать, во что превращается их жизнь в актуальных политических реалиях.

Гусева:

– Со своей стороны для менее взыскательной, но более приличной публики я могу заменить вашу излишне яркую образность на такое упрощенное сравнение: человек находится в горящем доме и, когда его пытаются вывести или хотя бы обратить внимание на полыхающий огонь уже на его собственных стенах, он легкомысленно отвечает: «Мне пожар не интересен».

Шериневич (оживленно):

– Да, и вы не будете долго дискутировать с ним по поводу методологии его выбора таких странных жизненных предпочтений, а просто окатите ведром холодной воды и станете тащить его наружу, возможно даже силком.

Гусева:

– Тут извечный вопрос: имеем ли мы право применять силу?

Шершневич (задумчиво и меланхолично):

– Опять мы пытаемся ответить на вечные вопросы в рамках одного получасового прямого эфира... Бессильные мира сего... Ладно. Смотрите: если человек сознательно желает совершить суицид, сгореть вместе с домом как настоящий пламенный патриот, тогда, возможно, его стоит оставить в покое. Но если он не понимает саму опасность пожара? Как дуболом армии Урфина Джюса сует пальцы в огонь и умиляется на эти искандеровы всполохи?

Гусева:

– Видимо, главное – это его не смешить.

Шершневич (грустно усмехаясь):

– Да, современные дуболомы имеют очень странное извращенное чувство юмора, но за этим может стоять просто кондовое непонимание текущей политической действительности.

Гусева:

– То есть всё, что нам остается – это заниматься просветительством, а со времен народников ничего не изменилось?

Шершневич:

– Ну, распространение информации улучшилось многократно, ускорилось, увеличился охват, поэтому и КПД просветительской деятельности стал несравнимо выше. Глав-

ное: не лениться и не сдаваться. Очень легко и просто уйти в депрессию, лечь на диван, скукожиться в позе зародыша, отвернувшись лицом к стенке, и тихонечко завывать что-нибудь из БГ...

Гусева (тихо напевает):

– Луна, успокой меня...

Шершневич (впечатывает):

– Именем моей тоски! Да, а продолжать долбиться в стену тупости, безразличности и ханжества большей части населения нашей огромной страны кажется занятием крайне неблагодарным и даже несколько инфантильным, но нам, как противникам насилия, не остается ничего больше.

Гусева:

– Кроме эмиграции.

Шершневич:

– Эмиграции?

Гусева:

– Зритель под ником латиницей «putincrymnash» пишет: «Ты ненавидишь Россию! Убирайся, паскуда, если здесь так не нравится!»

Шершневич:

– Нам, либералам, часто это говорят. Истерично орут с перекошенными рожами прямо в лицо, если быть предельно точным. Нет. Я люблю Россию, я ненавижу вас: мудаков, что ее населяют. Вас миллионы, может быть сто миллионов. Но и нас немало. И пока вы нас отсюда не выдавили окончательно

но, не перестреляли в застенках Лубянки и на Немцовых мо-
стах, не пересажали по лагерям, не перебили бейсбольными
битами и арматурными прутьями, вы, дегенераты, не будете
спать спокойно, мы вам не дадим расслабиться, до тех пор
пока эта страна не станет пригодной для жилья. Не вашего
свиного покорного жилья, я для свободной жизнедеятельно-
сти без страха и принуждения для каждого развитого адек-
ватного человека!

*Шериневич отпечатал последнюю фразу, плавно повы-
шая интонацию и сопровождая каждое слово не сильным,
но отчетливым ударом ладони по столу.*

Гусева:

– На этой оптимистичной ноте мы вынуждены заканчи-
вать нашу передачу. Эфир продолжит программа «Среда
неверия» из нашей петербургской студии.

*«Ухо Москвы»! Мы приникли к каждой замочной скважи-
не! И самое важное из услышанного незамедлительно пове-
даем и вам.*

Новости.

*Депутат Госдумы Наталья Камланская потребовала
запретить все учебники истории, как порочащие честь и до-
стоинство святого государя земли русской Николая Второ-*

По условиям нового торгового соглашения с Северной Кореей Россия обменяет десять ядерных боеголовок на восемьсот тысяч рабов.

Студия в отеле «Гельвеция»

Дымковский:

– Мы в эфире? Это программа «Среда Неверия». Напротив меня сидит публицист Александр Неверов в шикарном костюме, отутюженной сорочке и традиционной импозантной бабочке.

Неверов:

– Добрый день.

Дымковский:

– Он рвется в бой. Но, чтобы не забыть, Александр Глебович, мы сразу хотели анонсировать ваше выступление, лекцию в Москве.

Неверов:

– Да, послезавтра в 19:00 состоится лекция в БДТ по теме «Методология и продвинутые технологии практического применения искусств риторики, высмеивания и оскорбления в публичных дебатах, открытых студиях и круглых столах, акцентуированные в эпоху упадка и заката империи».

Дымковский (изумленно):

– Заинтригованные и ошарашенные слушатели интересу-

ются конкретной программой выступления.

Неверов:

– Программа выступления такова: пункт первый – лекция, продолжительность две минуты; пункт второй – ответы на вопросы, продолжительность один час сорок пять минут.

Дымковский (невинно):

– А если вызовут на бис?

Неверов (с легкой грустью):

– Тогда бонусом пункт третий – попытка ответить на все вопросы...

Дымковский:

– Попытка заведомо обреченная, но этим не менее отважная.

Неверов:

– ...ещё минут тридцать-сорок максимум. Больше не гарантирую, человеческий организм имеет свои пределы.

Дымковский:

– Спешите, почти все билеты уже распроданы.

Неверов:

– Каждый раз с радостью убеждаюсь, что не окончательно ещё перевелись у нас люди любознательные.

Дымковский:

– Пытливые умы?

Неверов:

– Да, они самые.

Дымковский:

– Тогда вот для них очередная загадка: почему бывший прокурор, ныне депутат Наталья Камланская никак не уймется с запретом фильма, которого ещё никто, в том числе она сама, не видел?

Неверов (вкрадчиво):

– Человек практически никогда не отступает от своей дурусти. И проблема здесь не только в миловидной пусто-головой девушке – а именно такие и должны представлять весь наш несчастный народ в нижней палате Федерального Собрания. Так сказать, адекватная репрезентация. Нет, это касается всех. И суть проблемы в том, что, как только в голову человека приходит мысль, он почему-то начинает верить в ее правильность. Он гордится, что додумался до чего-то серьезного и сильного (даже если это не так), и переубедить его уже практически нет шансов, особенно если он уверился в полном бреде (который внутри своей кривой логики структурно непротиворечив). Ведь это его мысль, его детище! Он сам себе доказал, что способен анализировать входящую информацию, работать с массивами данных, делать выводы. И о возможной ошибочности этих выводов он даже не подозревает! Они сразу бронзовеют в его уме в качестве основы мироздания, и с постамента их уже не сдвинуть.

Дымковский:

– С постамента не сдвинуть даже бюст Николая Второго, который, по свидетельству нашей героини, начал мироточить...

Неверов:

– Об этом... камлании поговорим отдельно... Суть же в том, что мы все легко допускаем ошибки, особенно на самом первом, базовом уровне – уровне мышления, но признать их даже перед самим собой нам не позволяет гордость. Но единственная возможность развития – это постоянная здоровая самокритика, непредвзятость в поиске и обработке новой информации, способность признавать свои ошибки, тем самым продолжая структурировать свое мировоззрение в качестве открытой эволюционирующей структуры.

Дымковский (заинтересованно):

– Почему бы просто не объяснить человеку ошибочность его мнения, приведя достаточно доводов, опровергающих его точку зрения?

Неверов (небрежно отмахиваясь):

– Проблема заключается в том, что человек не поверит в правду, если она ему не нравится, сколько доказательств ни приводи. Попробуйте доказать упертому ватнику, что зомбоящик врет; укажите действительно верующему на все нелепицы и противоречия в Библии; объясните сопливному влюбленному, что его пассия ему изменяет: какими бы фактами вы не оперировали – получите не долгожданную победу в споре, а унижительное и болезненное поражение в драке.

Дымковский (хорохорясь):

– Почему же обязательно поражение?

Неверов:

– В драке чаще побеждает тот, кто нападает внезапно и со всей возможной жестокостью. А именно такая ситуация вырисовывается здесь. И происходит это потому, что мы миролюбиво принимаем только те факты, которые не противоречат уже существующей в наших умах картине реальности, хотя в идеальном мире каждый факт должен рассматриваться беспристрастно и внимательно, и лишь после такой серьезной проработки человек волен решать, как ему относиться к этим новым, зачастую неприятным данным.

Дымковский:

– Да, тяжелый выбор. Прямо-таки дилемма.

Неверов:

– Да. Отдать в бордель дочку или продать почку.

Дымковский:

– Именно перед этой нелегкой дилеммой мы легкомысленно и оставим наших слушателей на целую неделю.

Новости.

Официальный представитель правоохранительных органов пообещал в кратчайшие сроки найти преступников, сжегших автомобиль журналиста «Новой газеты» и «Уха Москвы» Юлии Броневой. Это уже восьмое невыполненное обязательство, данное работниками полиции нашим пострадавшим сотрудникам с начала года.

«Ухо Москвы» За нами всегда последнее слово!

Беневоленский:

– Сегодня мне, главному редактору Алексею Беневоленскому, придется сказать «Последнее слово» этой недели, так как наш постоянный ведущий и прекрасный эксперт Юлия Бронева была вынуждена эмигрировать из страны. Такие дела. Первые две атаки, которым она подверглась, я напому: какие-то отмороженные недоумки окатили её ведром фекалий, а через пару месяцев её загородный дом запрудили боевым отравляющим веществом – она ещё смогла, заметьте: не проигнорировать, но выдержать, вытерпеть. Но когда подонки сожгли ее машину – тут уже прямая угроза жизни. Вот так страна из-за паскудной деятельности распоясавшихся от безнаказанности дегенератов теряет своих лучших, достойнейших людей. Государство само отдало монополию на насилие новым черносотенцам, и возникает резонный вопрос: «И где оно теперь вообще, наше государство?»

– Великий американский президент-республиканец – а вы знаете моё отношение к республиканцам – Авраам Линкольн задал очень важный, принципиальный для каждого человека, заинтересованного в политической жизни страны, вопрос: «Если кто-то умнее вас, хотели бы вы, чтобы он принимал важные решения о вашей жизни, игнорируя ваше мнение?»

– И это оказался вопрос не столько о политическом устройстве страны, сколько об инфантильном желании боль-

шей части населения переложить ответственность за свою судьбу, за судьбу своих близких на кого-то другого, а самому умыть руки и уйти в сторону. Ключевой сегмент фразы не «умнее вас», а «хотели бы».

– И у меня есть немного другая версия вопроса, своеобразное продолжение первого: «Но если кто-то очевидно глупее меня, могу ли я позволить ему принимать решения, затрагивающие и меня, и моих близких, начисто игнорируя мое мнение?»

– Это вопрос о противостоянии тоталитаризму. Главная идея не в том, кто умнее (это всегда вопрос дискуссионный, а, зачастую, и безответный), хотя диктатор – всегда человек не слишком большого ума, а в самой возможности высказываться и отстаивать свои права. И сейчас в стране сложилась такая ситуация, что тот, кто ещё смеет публично высказывать свое мнение, которое отличается от удобного и приятного для власти и присосавшихся к ней гельминтов, подвергается такому уровню преследования, что отстоять свои права, в том числе первичное право на саму жизнь, уже не в состоянии и вынужден покинуть страну.

– Мне очень хотелось бы, чтобы вы на досуге подумали над этими вопросами. Может быть, у вас найдутся свои оригинальные ответы. Тогда присылайте их на почту нашей радиостанции или прямо на сайт. Я выделю эфирное время, чтобы разобрать самые интересные.

– Ладно, время заканчивать. В следующий раз, а затем

и на постоянной основе эту передачу будет вести писатель Михаил Соммер. Он уже давно у меня добивался отдельно-го, свободного от «докучливых журналистов с их глупыми вопросами» – это его прямая фраза – эфира. И раз уж такая страшная и неопределенная ситуация сложилась с Юлей Броневой, он получает свой шанс.

Конец второго акта.

Акт третий.

Распыление хайпа для челяди

«Ухо Москвы»! Мы узнаем обо всём первыми. И делимся с каждым без утайки в тот же час!

Новости.

РПЦ официально приравняла знание Библии к ереси. Способность цитировать святое писание теперь признается грехом гордыни и будет караться отлучением от причастия.

30-летняя депутат Государственной думы Наталья Камланская сорвала пленарное заседание, сообщив остальным парламентариям, что у неё запотел бюст. Раскрасневшиеся депутаты отказывались продолжать работу вплоть до выяснения и требовали вещественных доказательств, пока лидер Либерально-Демократической фракции

не пообещал начать их расстреливать и вешать незамедлительно и в прямом эфире.

Гусева:

– А у нас в гостях в передаче «Особо опасен» писатель Дмитрий Слеповский. Как вам конфликт в Госдуме?

Слеповский:

– Я даже пожалел, что вовремя не подсуетился и сам не стал депутатом. Фигуристые бывшие прокурорши в запотевших кофточках, как на конкурсе мокрых футболок: вдохновляет невероятно сильно!

Гусева (оживленно):

– Согласитесь, это очень похоже на ваши сочные, эмоциональные гонзо-репортажи с пугающего рядового обывателя опаляющей разнузданностью фестиваля в пустыне Невада. Думаю, никто не жалеет, что вы стали писателем, а не депутатом.

Слеповский:

– Да, такая планида больше соответствует моей внутренней природе. Мне не нравится выполнять чьи-то команды. Или принимать решения под угрозой расстрела или повешения. Я уже довольно давно определил, что сам буду ставить перед собой магистральные задачи. Те задачи, что ставила передо мной жизнь, мне сначала показались слишком легкими, затем слишком трудными, а в конце и вовсе бессмысленными.

Гусева (строго):

– Загадками изволите говорить?

Слеповский:

– Тут было как. Учишься в школе, затем в институте: слишком всё просто и легко. Сначала с изумлением озираешься на своих вечно озадаченных одноклассников: неужели они не понимают, не могут найти ответ? Но потом привыкаешь к такому непреднамеренному, но и неизбежно обособляющему снобизму. Затем взрослая жизнь бьет тебя обухом: не нужны, оказывается, все те знания, на которые ты добросовестно потратил 15 лет. Нужно уметь обманывать, извиваться ужом, предавать, подставлять, интриговать, только эти «скилы» помогут с карьерным ростом. Ты меняешь своё отношение к миру: перестаёшь ему доверять. Начинаешь проверять его уже всюду, в каждой сфере деятельности, и ужасаешься: каким нелепым, и в то же время паскудным образом всё устроено. По крайней мере, в этой стране. И привычные претензии к себе, ожидания и задачи уже начинают казаться совсем ненужными – они несопоставимы с реальностью. Вот после такого разрыва с тканью мироздания я и стал немного «не от мира сего», и задачи для себя стал формулировать уже сам. Примерно таким способом и становишься писателем.

Гусева (задумчиво):

– А молодым литераторам вы посоветовали бы такой... странный извилистый путь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.